

попыток объяснения их змееборческих сюжетов на широком фоне русского фольклорного и этнографического материала в связи с народными преданиями, обычаями и верованиями, в связи с общим процессом образования русской культуры. Представители компаративной школы, не говоря уже о мифологах, далеко уводили их от русской почвы. Их обычно рассматривали как своеобразные вариации „бродячего сюжета о змееборце“, типичным образчиком которого в эпосе христианских народов считалась, так называемая „георгиевская легенда“.¹ И если были разногласия в этом вопросе, то спорившие между собою ученые не сходили с методологической платформы сравнительно-исторической школы, и споры сводились только к определению характера „родства“ русских былин с легендой о Георгии: одни из компаративистов считали, что русские былины со змееборческим сюжетом складывались „под непосредственным влиянием“ георгиевской легенды,² другие утверждали, что и былины и легенда о Георгии восходят к одним и тем же первоисточникам, в конечном счете ведущим к античным и восточным мифам и сказаниям. Как бы то ни было, но в этих спорах не было преодоления порочной методологии компаративной школы.

А между тем, именно этот круг былин представляет собою крайне благодарный материал для изучения его в связи с русской историей и общим движением русской культуры: в связи с развитием живописи, орнамента рукописей, литературы и, отчасти, даже архитектуры. Дело в том, что в различных областях искусства и литературы XIV—XV вв. мы часто встречаемся с образом змея, вне всякого сомнения подсказанным не переводной литературой или чужеземной иконографией, а сказочными мотивами и фантастикой русского фольклора. Это легче всего обнаруживается при анализе тератологического орнамента рукописей, особенно XV в. Это характерно и для литературы этого времени. И в данном частном случае, при исследовании истории возникновения повести о Петре и Февронии, эпос типа былин о Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и т. п. оказывается важным в том отношении, что он объясняет развязку первой части повести. Становится очевидным, что эта часть повести в целом фольклорного происхождения.

В самом деле, образ змея всего цикла былин о змееборце обнаруживает ясные черты огненного летающего змея древне-русской летописи и фольклора. Таков он, например, в былине о Добрыне Никитиче:

... Тучи нет, а только дождь дождит,
Дождя-то нет, искры сыпятся, —
Летит, Змищице-Горынчище...³

¹ О. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 433—436; Ф. Буслаев. Рецензия на исследование О. Миллера в ЖМНП, 1871, III, отд. II, стр. 216; Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. IV. СПб., 1881 стр. 78. В. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892, стр. 32 и т. д.

² А. В. Рыстенко. Легенда о Георгии и драконе. Одесса, 1909, стр. 344—364;

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861, стр. 24.